

Игорь Федоровский

Белая сажа

И снова с очередного беспорядка начался день, с треска солнечных лучей по комнате. Может, это трещало у него в голове после бессонной ночи у её постели. Врачи сказали ничего не делать, и сами они ничего не делали – большие уродливые статуи, на которые кто-то ради смеха нацепил белые халаты. Если бы были силы, он бы посмеялся, точно.

Ирка не появлялась уже третий день, да он и не рассчитывал её увидеть. Самое страшное не видеть смерть, а наблюдать её начало, как она проникает в человека, забирая его по частям: ум, зрение, возможность двигаться. Казалось, его самого коснулась смерть: соображал он плохо, солнечный хворост хрустел в ушах, от того, что стало светло, он перестал видеть. Да и мысли. Он никогда не думал, что ими можно гордиться. Но больше у него ничего не осталось.

В детстве он просил железную дорогу, автомат, издававший треск, похожий на сегодняшние солнечные звуки, наконец, аквариум с рыбками на худой конец. Но его родители не были крупными партийными чиновниками, как, например, у Володьки. Отец оставил в памяти лишь смутное ощущение страха, когда в их малометражной квартире вдруг пропадало солнце. Это отец садился спиной к окну на своё привычное место за столом. Потом он нашёл другую женщину и стал заслонять солнце там. Они с Ирккой больше его не видели, а подавать в суд на алименты мама не хотела. Шататься по холодным коридорам, путаясь в людях, не любила. Да и времени у неё не было. Она мыла полы на заводе имени Ленина, в детском садике и школе. Хуже всего было в школе, она считалась какой-то продвинутой и ученики считали ниже своего достоинства здороваться с полумойщицей. Ведро они всегда опрокидывали, и мать часто приходила с работы грязной, от неё пахло сыростью и тухлыми яйцами. Даже отдельной каморки, чтоб переодеться, ей не полагалось.

Сейчас у неё тоже ничего нет. Квартира давно оформлена на них с Ирккой, чтоб им не мучатся после смерти. Мать, ещё когда была в состоянии двигаться, сходила куда нужно и отказалась от жилплощади в их пользу. Ирка потом говорила, что надо бы сдать мать в дом престарелых, да мест там что-то не было, ей отказали, а потом мать стала хворать и Ирка махнула рукой – всё равно помрёт.

В комнате матери кружились мухи, бились в уже заклеенные на зиму окна, недовольно жужжали. *Некуда вам деться, голубчики. И мне, и мне тоже некуда деться, я с вами буду тыкаться носом в оконное стекло и не находить за ним мира.*

Липла к глазам белая сажа. Кружились, бились в стекло с той стороны ошмётки сгоревшего лета. Раньше он любил ловить этих уродливо крупных мух, они притворялись мёртвыми в его кулачках, хитрили. И тогда он осторожно разжимал их, чтобы только сейчас ощутить мёртвый холод.

Это был только снег. Чёрный, дрожащий, которому никогда не выбраться из этой комнаты.

Наклонился, послушал дыхание. Не услышал и сам обмер на пару каких-то секунд. *Не сейчас, пожалуйста.* Завтра должны перевести деньги на карточку. Её пенсия за октябрь. Если узнают, что она умерла, могут и не переслать. А он уже позанимал денег под эту пенсию. Унижался перед теми, кого когда-то считал друзьями.

В нём давно не теплились никакие чувства, всё хорошее и плохое в мире потерялись, стали безразличными ему. Когда он слышал, что где-то рухнул ещё один самолёт, ничего не менялось в нём. Кто-то из многочисленной компании, в которой он иногда выпивал, начинал охать и вздыхать, он же пожимал плечами и наливал новую. Эта информация никак не помогала ему выжить. Водка хотя бы несла с собой забытьё. Она ненадолго освобождала его от этого тяжёлого давящего на грудь мира. *Ну, где же, где же звук?*

Дыхание пришло на третьей секунде, виноватое, дрожащее, едва-едва уловимое. Было сложно ощутить его среди жужжащих мух и падающей сажи, но он справился. Лицо матери, сморщенное, ускользающее, слегка подрагивало. Облегчённо опустил на стул и забылся. Будто его никогда и не было здесь.

– Как дела? – голос легонько толкнул его в висок, заставил впустить новое воспоминание. «Белая сажа, мой друг, белая сажа». Кружит, бьётся в стёкла. Володька стоит за окном машет руками, зовёт его выпить. *Не дождётся. Они пили тогда, чёрт знает, какую дрянь, он выкарабкался, а Володька нет. Он везучий, это все ему говорили.* Володька постоял ещё немного, потом видно понял, что здесь ему не нальют, и растаял в воздухе. «Наши дела – сплошная белая сажа», – он долго ещё слышал удаляющийся, растворённый в снежной массе Володькин голос.

Пошёл на кухню, сварил себе кофе. Вернее это были варёные кофейные зёрна с примесью вчерашней гущи, так как кофемолка сломалась. На всякий случай включил её, издала несколько коротких хрипов и замерла. Высыпал последние крупички в кофейник, задребезжал равнодушным, дрожащим смехом. Только бы не сойти с ума от такого напряжения. Он забылся прямо за столом, сознание выключилось. Хорошо хоть кофейник на огонь не успел поставить.

Очнулся, посмотрел в окно. Веселилась, падала в остывшую печь двора белая сажа, и не было понятно, наступило ли новое утро или вчерашний день только торопится уходить, а вьюга не даёт ему убраться. Кружит по одним и тем же местам, надеясь, что день замёрзнет и больше уже никогда не явится.

Он вошёл в комнату матери. Ноги его тяжёлые негнущиеся совсем не отрывались от пола, словно бы на них нависла тяжесть ушедшего дня. Дыхания не было. Он так глубоко загнал своё в лёгкие, что давно смирился со своей неспособностью дышать ради одного короткого неосязаемого вдоха. Подождал три секунды, потом пять, шесть... Дальше уже всё потеряло смысл. Лица матери он не видел – белый свет за окном слился с простынёй, и в глазах осталась лишь белая невесомая пустота.

«Играй за меня, - шептал он, губы его не шевелились. Они заостенели в страшном напряжении. – Ещё чуть-чуть, до вечера. Ведь иначе все те, кому я должен, житья мне не дадут.

И опять выбросилось из памяти тяжёлым жёванным комом воспоминание об отце. Вернее о том, что он врал одноклассникам о нём. Он говорил всем, что его отец крупный партийный работник и одноклассники слушали, разинув рты, не веря, но и не имея сил сто-то возразить. По его словам выходило, что отец ест красную икру каждый праздник и катается на собственной машине. Придумывать было тяжело, иногда фантазия его гасла, и отец отправлялся в «хрущёвку», для него самого, детство проведшего в коммуналке, это было вполне себе приличное жильё.

Однажды, когда мать вызвали к директору, одноклассники подкараулили её.

– А правда, что его папа самый-самый главный? – вылез вперёд Ероха, самый нахальный из всех их, – что он катается на машине?

«Сыграй за меня, – шептал тогда он, губы его шевелились, но одноклассники, конечно, не могли ничего понять. – Ведь иначе они мне житья не дадут потом».

- Да, - голос её ровный, уверенный совсем не дрожал. За этим голосом хотелось укрыться и идти всю жизнь, зная, что он убережёт от беды. – Но я не понимаю, какая разница. Если бы его папа был дворником, Виталя тоже бы его любил. Его папа работает в министерстве иностранных дел и часто нас навещает.

Теперь он понимал, что в душе она сама верила в это. Горько одной поднимать двоих ребятишек, не надеясь на очередного мужа-алкаша, который гниёт где-нибудь в это время в компании собутыльников. За всё детство у него было пять отцов, но ни одного

сейчас он не мог вспомнить по имени. Даже его отчество «Иванович» казалось придуманным мамой, он не помнил ни родства, ни родины – рабочего посёлка в пятидесяти километрах от города. Вроде бы он ещё существует, а может, и нет. Три месяца, которые он там прозяб, казались несущественными, ничего в его жизни не определившими. Колхоз развалился, может и посёлка уже нет. Сегодня при всех технических революциях, сметающих одна другую, свою смерть ещё нельзя предугадать.

– Не умирай, пожалуйста, - голос его потерялся в тишине. Непонятно было, куда неслись звуки, может, в угасший в конце девяностых посёлок.

Вернулся в кухню, только теперь понял, что дрожит. Рано звонить, банки всё сделают, чтоб забрать себе материны деньги. Он не знал, как именно, но был точно уверен, что его надуют, ограбят, оставят навсегда в этой белой саже. Увели ведь деньги на велосипед, который он хотел купить у Ерохи. Может, он сам и увёл, в ту пору Ероха уже догадался, что нет и в помине никакого крутого отца, который приедет на машине в школу и разберётся с обидчиками.

Но была мать. Она выслушала его сбивчивый рассказ и резко, раздражённо даже проговорила.

– И зачем копил? Жили без денег всю жизнь и без них проживём. Нас они видно не любят, а зачем надо им навязываться, стараться зависеть от них, если так?

Вот и теперь он не будет. Проживёт материны деньги и сдохнет где-нибудь в переулке. А ведь он один выжил из всей их школьной компашки. Было сложно: в начале девяностых они уходили вне очереди, обгоняя медлительных стариков. Ероха умер от сердечной недостаточности, ему тридцатника-то ещё не было. А Любка, его первая девочка, потом стала шлюхой, наверняка и она уже не жива.

Белая сажка, мой друг, даже памяти о нас не оставит.

Они не умирали с надеждой, что их внуки будут жить в лучшем мире, потому что сами были внуками мечтателей. Вот он устоял и продержится ещё немного благодаря маме. Деньги обычно переводят во второй половине дня. Может быть, они уже на счёте, а может, и нет. Для верности он подождёт до вечера, а потом позвонит куда нужно и сообщит о смерти матери. Будет делать вид, что он пьяный, только что встал после попойки, потому и не сообщил сразу. Надо бы выпить, чтоб ни у кого не возникало подозрений. Володька, сбегай за водкой, друг! Я за всё заплачу, но только потом, когда сниму с книжки мамкину пенсию.

Он старался не думать о том, что ушёл в кухню, чтоб не чувствовать этот удушающий запах смерти. Мухи прилетели за ним в кухню, одна из них облюбовала его редешную макушку. Холодно... неприятны эти прикосновения смерти. Хлопнул себя по башке – не больно. Совсем не больно.

Пить не хотелось. С трудом отхлебнул из початой бутылки, его стошнило. А потом и долго ещё не мог вымолвить ни одного слова, мычал в телефонную трубку, хрипел, тряс немойтой головой. На вопрос: «имя и фамилия умершей» отвечал: «Белая Александра, Белая Сашшшша». И с какой-то странной завистью глядел, как за окном на проулок, машины, в которых синей жилкой билась сигнализация, беспорядочно сыпались белые звуки.

2013 – 3 января 2014